

19244

Вид

Н. СТРАХОВЪ.

192444

ФИЛОСОФСКІЕ ОЧЕРК

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія бр. Пантелеевъ. Введенская. 16.

1893.

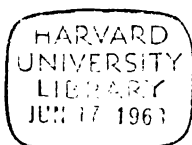
8600

83M

27

Phil 4769.8.21

✓

27

В

ФИЛОСОФСКІЕ ОЧЕРКИ

B29
S82

11

Тою же автором:

Объ основныхъ понятияхъ психическѣи и физиологич. Нап. 2-а. Сбд. 1884.

Воспитаніи и страны (Ассиз. — Италія. — Крима. — И. М. Толстой. — Охрана психическѣи и здоровья. — Исходный изъ психическѣи. — Охрана психическѣи). Сбд. 1891.

Исторія литературнаго психизма (1851—1884). Сбд. 1882.

Критическія статьи объ М. С. Тургеневѣ и А. М. Толстой (1882—1883). Издана. Сбд. 1887.

Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книжка вторая. Книжки второй части. — Идилы. — Нарисованная картина. — Романъ. — Иллюстрація. — Книжки изъ М. С. Ам. Сбд. 1887.

Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книжка вторая. Книжки второй части. — Идилы. — Нарисованная картина. — Романъ. — Иллюстрація. — Книжки изъ М. С. Ам. Сбд. 1887.

Миръ нашъ цѣло. Четыре изъ науки о природѣ. Книжки второй, третьей. и. Сбд. 1882.

О стѣнкахъ психизма (подъ перомъ о снѣгѣ). Сбд. 1887.

О психическѣи психизма и психическѣи психизма въ обществѣ образованія. Общественность нашей литературы. Историческій и критическій очеркъ. Сбд. 1881.

628685

7 3. 42

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отрывочность, а часто также не полное и не довольно точное развитіе мысли,—вотъ въ чемъ, прежде всего, можно упрекнуть статьи этого сборника. Если, не смотря на то, я рѣшаюсь вновь предложить ихъ читателямъ, то во первыхъ потому, что мысли, въ нихъ развиваемыя, до сихъ поръ сохраняютъ для меня свою цѣну. Уже въ первой статьѣ (о значеніи Гегеля), которую я считаю наиболѣе слабою по выполненію, высказаны многія положенія, отъ которыхъ я и теперь не отступаю, которыя часто составляли темы послѣдующихъ статей, или же остались, къ моему сожалѣнію, только въ видѣ намековъ и набросковъ, сдѣланныхъ въ этой первой статьѣ. При другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, мнѣ удалось бы оказать философіи услуги, подобныя тѣмъ, какими составили себѣ имя итальянецъ Вера и англичанинъ Стирлингъ.

Что касается до отрывочности и неполноты, то я утѣшаю себя тѣмъ, что, кажется, избѣгъ другихъ недостатковъ, обыкновенно встѣчающихся въ книгахъ. Сочиненія полныя и систематическія очень рѣдко бываютъ органическими произведеніями ума. Полнота

нихъ достигается всего чаще механическимъ подборомъ частей, а не живою связью между ними; систематическое расположеніе достигается обыкновенно только искусственно, не вытекаетъ изъ самаго предмета, а навязывается на него навѣй. Отъ этого происходитъ то впечатлѣніе мертвенности, которое въ той или другой степени производить большинство книгъ. Жизнь книги состоитъ въ мысли, которая въ ней движется; тамъ, гдѣ мысль прерывается и ея путь замѣняется мертвыми склейками и вставками, или даже простою послѣдовательностію строкъ и страницъ, отсутствіе настоящей связи не всегда ускользаетъ отъ нашего вниманія, почему мы и чувствуемъ себя неудовлетворенными. И такъ, отрывочная статья своею цѣлостію и послѣдовательностію можетъ избѣжать упрековъ, которые мы дѣлаемъ полнымъ и систематическимъ книгамъ.

Но не забудемъ притомъ, что здѣсь дѣло идетъ о философіи, то есть о такой области, въ которой мышленіе имѣетъ особенный характеръ, именно стремится стать вполне чистымъ и свободнымъ. Всѣ мы любимъ „пофилософствовать“, но подъ этимъ словомъ мы разумѣмъ разсужденія, которыя почему-то выходятъ слабѣе и путанибѣ всякихъ другихъ нашихъ разсужденій. Мы тутъ сами не знаемъ, чего хотимъ и какою дорогою идемъ. Философъ же знаетъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ знать, что онъ дѣлаетъ; онъ беретъ на себя мыслить вполне сознательно, и отъ этого происходятъ особенные приемы его разсужденій. Это сознательное мышленіе въ однихъ пробуждается легко, въ другихъ, даже обладающихъ большою дѣятельностію ума, почти вовсе не можетъ быть

вызвано. Вотъ почему принято говорить о *философскомъ талантѣ*, почти также, какъ говорятъ о поэтическомъ дарѣ, посылаемомъ природою, а не зависящемъ отъ обученія. Писателя, имѣющаго въ какой-нибудь степени философскій талантъ, всегда можно ясно отличить отъ того, кто этого таланта не имѣетъ; совершенно такъ, какъ по одной страницѣ, и даже по нѣсколькимъ стихамъ, можно узнать истиннаго поэта и того, кто только старается быть поэтомъ. Многіе изъ тѣхъ, кто пишетъ о философскихъ предметахъ, дѣлаютъ это только по ошибкѣ, такъ какъ вовсе не обладаютъ философскими приемами мысли. Наоборотъ, о какомъ бы предметѣ мы ни разсуждали, мы можемъ внести эти приемы въ наше разсужденіе. Съ такой точки зрѣнія слѣдуетъ всегда цѣнить произведенія философской литературы. Какъ на примѣръ, ясный для понимающихъ дѣло, укажемъ изъ нашихъ писателей на Каткова и Кавелина; при всей энергіи своего ума, они не обладали настоящимъ философскимъ даромъ, хотя область философіи ихъ сильно привлекала. Наоборотъ, Л. Н. Толстой, никогда не писавшій специально о предметахъ этой области, часто обнаруживаетъ въ своихъ писаніяхъ истинно-философскіе приемы мышленія. Такимъ образомъ, вообще, для того, кто ищетъ себѣ философскаго поученія, нѣсколько страницъ, развивающихъ мысль въ извѣстномъ духѣ, могутъ дать больше, чѣмъ цѣлые томы, не имѣющіе надлежащаго философскаго характера.

Вотъ съ какихъ сторонъ можно защищать предлагаемые читателю „философскіе очерки“, разумѣется, если только эти очерки заслуживаютъ такой защиты, если они не даромъ носятъ свое имя.

Предметы, о которых они говорятъ, конечно не устарѣли. Философскіе вопросы, ученія и книги, какъ извѣстно, долговѣчнѣе, чѣмъ явленія другихъ умственныхъ сферъ, и чуть-ли не превосходятъ своею долговѣчностію даже произведенія поэтическаго творчества. Трудъ мысли, очевидно, совершается гораздо медленнѣе, чѣмъ трудъ познанія, а въ силу того, что философія постоянно обращается къ самымъ основамъ бытія и познанія, для насъ иной „разговоръ“ Платона можетъ быть почти столько же поучителенъ, какъ для древняго грека. Матеріализмъ и эмпиризмъ, составляющіе предметъ многихъ статей этого сборника, суть ученія стародавнія, но мнѣ пришлось писать о нихъ, какъ о явленіяхъ современныхъ, еще недавно (передъ семидесятиными годами) представлявшихъ даже главный и господствующій интересъ во всей области философіи. Читатель найдетъ въ этой книгѣ нѣкоторое понятіе объ этихъ ученіяхъ. Матеріализмъ, впрочемъ, болѣе обсуждается въ другой книгѣ *Миръ какъ цѣлое*; а здѣсь болѣе мѣста посвящено эмпиризму, какъ въ изученіи природы, такъ и въ изученіи души человѣческой.

Матеріализмъ есть самая легкая метафизика, а эмпиризмъ—самая легкая теорія познанія; вотъ въ чемъ сила этихъ ученій. „Всякій человѣкъ желаетъ *знать*“—такъ начинаетъ Аристотель свою метафизику; точно также можно сказать: всякій человѣкъ желаетъ *дѣйствовать*, и слѣдовательно представлять себѣ, что и какъ онъ можетъ дѣлать. Такимъ образомъ, твердое понятіе о познаніи и твердое представленіе о сущности вещей составляютъ необходимую потребность людей. Какъ толь-

ко человѣкъ захочетъ довѣрять только себѣ, онъ естественно останавливается на ученіяхъ самихъ удобныхъ для пониманія и вмѣстѣ вполнѣ удовлетворяющихъ его желанія. Опытъ даетъ намъ дѣйствительныя познанія, которыя *каждый* можетъ приобрѣсти и которыя простираются, повидимому, на всѣ сферы существующаго; будемъ же держаться опыта. Матеріализмъ есть представленіе, при которомъ мы получаемъ полную свободу дѣйствовать. Тутъ сущность вещей у насъ, такъ сказать, въ рукахъ, и нѣтъ въ мірѣ ничего, что могло бы помѣшать намъ употреблять эту сущность по нашему разумѣнію. Ради этой свободы, люди готовы приравнять себя къ обезьянамъ и даже къ муравьямъ и пчеламъ, лишь бы избѣжать обязательствъ, которыя налагаетъ на человека его истинная природа. Вотъ объясненіе великой привлекательности этого ученія для тѣхъ, кто избѣгаетъ всякаго подчиненія, въ которомъ не можетъ дать себѣ полного отчета. И они упорно держатся на этихъ точкахъ зрѣнія, не видя, или закрывая глаза на то, что эмпиризмъ приводитъ къ совершенному скептицизму, къ отрицанію познанія, а матеріализмъ къ совершенному равнодушію, къ отверженію всякой дѣятельности. „Разскажите, что съ вами было?“ съ участіемъ спросилъ я человѣка, котораго не видѣлъ многіе годы. „Почему это вамъ любопытно?“ отвѣчалъ онъ, — „вѣдь вы же знаете, что въ сущности происходили только различныя передвиженія атомовъ, — а что-жь тутъ интереснаго?“ И мнѣ пришлось убѣждать его, что, по моему мнѣнію, онъ вовсе не есть только совокупность атомовъ.

Задача философіи относительно эмпиризма и мате-

ріалізма заключається не въ томъ, чтобы опровергать ихъ, какъ будто они сплошь состоятъ изъ однихъ заблужденій, а въ томъ, чтобы указать надлежащее ихъ мѣсто въ системѣ понятій и точно опредѣлить ихъ границы. Когда намъ говорятъ: „истинно сущее есть матерія и только матерія“, или: „истинное познаніе есть опытъ и только опытъ“, то намъ не слѣдуетъ увлекаться ходомъ этихъ рѣчей и отвѣчать на нихъ какими-нибудь доказательствами, что матерія и опытъ недостаточны для пониманія природы и нашего познанія. Если утвержденіе совершенно нелѣпо, то и отрицаніе его не имѣетъ никакой цѣны, потому что совершенно бесплодно. Гораздо лучше будетъ, если мы матеріалистамъ и эмпирикамъ сможемъ дать такой отвѣтъ: мы знаемъ настоящее мѣсто и значеніе вещества въ природѣ и опыта въ нашемъ познаніи; мы ограничиваемъ ихъ надлежащею мѣрою, почему и отвергаемъ все переходящее эту мѣру.

Въ настоящей книгѣ читатель найдетъ попытки именно такой критики матеріализма и эмпиризма. Въ особенности здѣсь анализированы приемы *чистаго опыта*, точное пониманіе которыхъ всего лучше уясняетъ самую сущность вопроса. Въ естественныхъ наукахъ мнѣ можно было при этомъ опереться на Клода Бернара, котораго, мнѣ думается, нужно считать величайшимъ натуралистомъ послѣднихъ десятилѣтій, именно потому, что онъ брался за положительныя задачи, тогда какъ Ляйель, Дарвинъ и проч. занимались только отрицательными.

Изъ философскихъ ученій, читатель почти ничего не найдетъ здѣсь о позитивизмѣ и объ эволюціонизмѣ (уче-

ніи Спенсера), имѣвшихъ огромную силу въ послѣднія десятилѣтія. Всегда представлялись мнѣ эти теоріи нѣкотораго рода конгломератами, въ которыхъ внутреннюю связь частей нельзя выводить изъ опредѣленныхъ началъ, а нужно было угадывать психологически, или же исторически. Передъ такимъ трудомъ я невольно отступалъ, причемъ предполагалъ, что это—порожденіи времени, которыя вмѣстѣ съ временемъ и пройдутъ, такъ какъ не содержатъ въ себѣ долговѣчныхъ принциповъ.

Изъ крупныхъ дѣятелей по философіи нѣсколько полнѣе другихъ въ настоящей книгѣ характеризованы Фейербахъ и Шопенгауэръ. Фейербаха теперь уже не читаютъ, хотя это одинъ изъ превосходныхъ писателей, изящный по формѣ и сильный своей діалектикою. Въ свое время онъ поразилъ умы своею полемикою противъ Гегеля и вообще противъ философіи; собственно онъ былъ поводомъ и предлогомъ къ тому, что въ общемъ мнѣніи Гегелевская философія стала считаться упраздненною и до конца разрушенною. Послѣдствія были очень печальныя: отвернулись отъ Гегеля, но вмѣстѣ отвернулись и отъ всякой философіи; въ Европѣ воцарился на долго матеріализмъ въ грубѣйшей формѣ. Въ своей статьѣ я старался показать невозможность того бунта противъ философіи, который поднялъ Фейербахъ, и тотъ смыслъ, который можно приписать этому мыслителю съ болѣе общей точки зрѣнія.

Шопенгауэръ читается до сихъ поръ, хотя слава его, кажется, уже на исходѣ. Истинный смыслъ его такъ великъ и важенъ, что заслуживалъ бы подробныхъ и

обширныхъ разъясненій, а не тѣхъ небольшихъ очерковъ, которые мнѣ довелось написать о немъ. Онъ больше всего моралистъ, и отсюда нужно его истолковывать. Онъ возбудилъ общее вниманіе именно тѣмъ, что сталъ въ рѣзкое противорѣчіе съ господствующимъ нравственнымъ настроеніемъ. Благоденствующій образованный міръ, съ каждымъ годомъ растущій, богатѣющій и наполняющій землю, былъ пораженъ въ самой глубинѣ сердца, когда вдругъ ему сказали, что счастья въ немъ нѣтъ, что въ сущности онъ тяжело тоскуетъ и скучаетъ и что виною этой тоски тотъ эгоизмъ, которымъ онъ проникнутъ и который составляетъ даже правило его жизни. Шопенгауэръ самъ болѣлъ эгоизмомъ и высказалъ свое страданіе съ неподражаемою силою. Онъ уловилъ малѣйшіе отбѣнки этого кореннаго зла, открылъ намъ самыя тайныя его дѣйствія.

„Міръ во злѣ лежитъ“. Онъ зломъ порожденъ и зло его непремѣнный законъ, прибавляетъ къ этому Шопенгауэръ. Отсюда два выхода. Если такова наша природа, то люди, въ которыхъ сильно говоритъ эгоизмъ, охотно соглашаются признать его чѣмъ-то законнымъ и неизбѣжнымъ. Философъ съ большою тонкостію показываетъ намъ, сколько своекорыстія бываетъ скрыто въ любви, дружбѣ, патріотизмѣ, въ лучшихъ чувствахъ, связывающихъ людей между собою; и вотъ тѣ, кому эти чувства мало доступны и понятны, очень охотно начинаютъ смотрѣть на нихъ, какъ на обманъ, которому не долженъ поддаваться строгій разумъ. Шопенгауэръ часто даже вовсе сбивается съ тона: не пропавши, не въ смыслѣ обвиненія, онъ даетъ совѣты,

какъ жить эгонистически, какъ соблюдать свой эгоизмъ и оберегаться отъ эгоизма другихъ. На этомъ дѣло, однако, еще не кончается; отсюда вырастаетъ новый, худшій соблазнъ. Человѣкъ, научившійся презирать людей, не находитъ, однако, надобности презирать самого себя. Напротивъ, ему кажется, что онъ такимъ образомъ стоитъ выше толпы, не раздѣляетъ ея глупыхъ увлеченій, и онъ услаждается своимъ превосходствомъ. Разгорѣвшійся эгоизмъ переходитъ въ манію величія. Многіе съ такимъ душевнымъ строемъ живутъ и здравствуютъ; но иные сходятъ съ ума, какъ несчастный Нитче, мнѣнія котораго, въ нашему ужасу, мы невольно готовы принять за причину его сумасшествія.

Вотъ въ какомъ отношеніи Шопенгауэръ можетъ считаться вреднымъ писателемъ. Вѣдь читатель всегда понимаетъ въ книгѣ преимущественно то, что ему приходится по душѣ; философъ, изображая эгоизмъ, невольно далъ пищу эгоизму.

Но изъ его ученія есть другой выходъ, и все значеніе Шопенгауэра заключается въ томъ, что онъ указалъ на этотъ выходъ, указалъ твердо, отчетливо, какъ на единственный прямой и правильный. Спасеніе возможно для человѣка, и оно состоитъ въ полномъ отреченіи отъ эгоизма, слѣдовательно, въ отреченіи отъ міра и жизни. Тутъ Шопенгауэръ входитъ въ область религій, и то, что онъ мыслилъ и чувствовалъ въ этой области, заслуживаетъ величайшаго вниманія и стоило бы подробнаго истолкованія и обсуждения. Правда, спасеніе, которое онъ предлагаетъ, есть, такъ сказать, только спасеніе эгонистическое, избавленіе отдѣльнаго

человѣка, — на примѣръ, монаха, уходящаго отъ людей въ пустыню; этого, впрочемъ, и нужно было ожидать по самой исходной точкѣ философа. Кромѣ того, святость, значеніе которой Шопенгауэръ такъ живо чувствуетъ и такъ настоятельно проповѣдуетъ, все-таки остается для него самого мало доступною по своему содержанію; состояніе спасеннаго, возрожденнаго человѣка — это какъ-бы обѣтованная земля, которую онъ видитъ только издалека. Но, не смотря на это, его стремленіе такъ сильно и направленіе такъ вѣрно, что религіозная сторона нашей жизни во многихъ точкахъ ярко озаряется передъ нами въ его писаніяхъ. Съ величайшей искренностію и убѣдительностію онъ вводитъ насъ въ кругъ такихъ мыслей, что мы начинаемъ понимать, на примѣръ, гностиковъ, учившихъ, что міръ созданъ падшимъ ангеломъ, или мистиковъ, искавшихъ прямого соединенія съ Богомъ.

Европа давно уже настроена оптимистически. Такое настроеніе естественно вытекаетъ изъ самой энергіи, свойственной западнымъ людямъ, и изъ неизбежной ея спутницы — эгоистичности. Оптимизмомъ больше или меньше проникнуты и всѣ европейскія ученія о нравственности и религіи, начиная отъ узкаго Бентама и до всеобъемлющаго Гегеля. Въ Шопенгауэрѣ послышалось другое направленіе, какъ бы вѣяніе того восточнаго пессимизма, который, какъ существенный элементъ, входитъ въ самыя возвышенныя религіи. Философъ самъ любилъ повторять, что онъ проповѣдуетъ „мудрость, которая неизвѣстна на Западѣ“.

Къ сожалѣнію, ни въ Европѣ, ни у насъ, эта муд-